

всех лиц, ведущих деятельность по совместному исповеданию и распространению веры, информировать о себе органы власти в качестве религиозных групп вступит в противоречие с Конституцией РФ и международными обязательствами России. Единственный случай, когда в соответствии с объективными признаками, установленными в ст. 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» объединение может быть «принудительно» признано религиозным {помимо согласия его участников считать себя религиозным объединением (группой)} – это случай, предусмотренный статьей 14 названного закона, когда суд принимает решение о запрете деятельности религиозного объединения.

*Докт. юрид. наук, акад. НАПрН Украины,
проф. П. РАБИНОВИЧ*

(Львовский национальный университет им. И. Франко)

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЗИЦИЯХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В РОССИИ И УКРАИНЕ

Вступительные замечания. Взаимосвязи права (в частности, основоположного, «естественного» права человека на выбор и свободное выражение мировоззрения) и религии, взаимовлияния разнообразных религий и государственно-юридических систем неоднократно исследовалось современной украинской общетеоретической юриспруденцией^{5, 6, 7, 8}. Современные представления различных религий о правах человека привлекают сейчас все более широкое внимание и других исследователей.

Новый импульс для дальнейших научных изысканий дает принятая в течение последнего десятилетия серия документов высших инстанций православной церкви в некоторых странах СНГ — документов,

⁵ Рабинович П.М. Право людини на свободу віровизнання та проблеми його державного забезпечення // Свобода віровизнання. Церква і держава в Україні. — К., 1996; Его же. Свобода віровизнання: філософсько-правові та державно-юридичні аспекти // Вісник Академії правових наук України. — 2001. — №2.

⁶ Ярмол Л.В. Свобода віросповідання: юридичне забезпечення в Україні (загальнотеоретичне дослідження). — Львів, 2006. — 192 с.

⁷ Рабинович С.П. Права людини у природно-прававий думці католицької церкви (за матеріалами соціальної доктрини католицизму). — Львів, 2004. — 198 с.

⁸ Вовк Д.О. Право і релігія: загальнотеоретичні проблеми співвідношення. — Х., 2009. — 224 с.

отображающих отношение этой ветви христианства к проблематике прав человека. Принятие таких документов не является случайным.

Как известно, актуализация обозначенной проблематики ныне составляет одну из тенденций мирового развития, в том числе и развития общественности. Не реагировать так или иначе на нее не могут, в частности, и руководящие органы традиционных конфессий. Ведь каждая из них, стремясь не только сохранить, но и расширить круг своих «верных», ищет и предлагает именно богословские ответы на те насущные проблемы, на те новые вызовы, с которыми сталкивается нынешнее поколение людей религиозно верующих да и нерелигиозно верующих.

Вот и православные церкви в России и Украине в начале третьего тысячелетия н.э. обратились непосредственно к правочеловеческой проблематике и в ряде документов изложили свою позицию относительно основоположных прав человека и их реализации. К таким документам относятся прежде всего: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», принятые ее Архиерейским Собором 16 августа 2000 года⁹ (далее — ОСК), «Декларация о правах и достоинстве человека», принятая X Всемирным Русским Народным Собором 6 апреля 2006 года, и «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятые ее Архиерейским Собором 27 июня 2008 года¹⁰ (далее — Основы учения). Для адекватного понимания последнего документа важное значение имеет провозглашенный на этом Архиерейском Соборе доклад тогдашнего митрополита Смоленского и Калининградского (ныне — Патриарха Московского и всея Руси) Кирилла, в котором обосновывался проект Основ учения¹¹ (далее — Доклад).

Известный ученый В.А.Бачинин, комментируя посвященный в значительной мере проблеме прав человека доклад митрополита Кирилла на X Всемирном Русском Народном Соборе (2006 г.), отмечал: «Уже сам факт, что Русская Православная Церковь в лице одного из ее высших иерархов взяла на себя труд высказаться по этой проблеме, предстал как дело совершенно небывалое. За всю российскую историю это был первый случай публичного декларирования церковной позиции относительно проблемы, никогда не входившей в круг теоретических интересов русских православных богословов и, тем более, церковных иерархов».¹²

Во всех названных документах основное внимание уделено, разумеется, именно правочеловеческой тематике. Обращает на себя внимание и то, что в них встречаются и сугубо юридические терминопонятия, а именно: «юридическая система», «законодательные нормы»,

⁹ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.mospat.ru/documents/social-concepts

¹⁰ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.mospat.ru/dignitu-freedom-rights

¹¹ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.mospat.ru/archive/41595/htm/

¹² Бачинин В.А. Христианство — демократия — контрдемократия (российская модель взаимоотношений) // Личность. Культура. Общество. — 2008. — Вып. 3 - 4. — С.95.

«законодательная инициатива», «правовые акты», «законность», «судебные решения», «правовой нигилизм» и др. Принципиально важным является и то обстоятельство, что в этих источниках отображены позиции современного православия (главным образом в лице Русской Православной Церкви) относительно взаимовлияний основополагающих («естественных») прав и позитивного (государственно-юридического) права, с одной стороны, и православия, с другой. Очевидно, такие документы не могут оставаться без внимания общетеоретического правого государственного права.

Существенным является также и то, что проблематика прав человека ныне оказывается, да позволено будет так выразиться, той «лакмусовой бумагой», которая, возможно, наиболее рельефно обнаруживает социальную значимость церковного православия (как, впрочем, и любой другой религии).

По этим причинам, а также откликаясь на призыв РПЦ к «изучению и обсуждению» «Основ учения», попробуем проанализировать прежде всего последний документ, поскольку его главной задачей считалось «напомнить основные положения христианского учения о человеке и оценить теорию прав человека и ее осуществление в жизни» (Преамбула).

Правочеловеческие позитивы в доктрине РПЦ. В первую очередь следует отметить, что в «Основах учения» более-менее адекватно воспроизведены наименования, основные разновидности и общее содержание фундаментальных прав и свобод человека. В документе речь идет и об определенных физических, личностных (гражданских) и политических правах (в частности, на жизнь, свободу совести, свободу слова), и о правах социально-экономических, а также о коллективных правах. В ряде случаев упоминаются также основания для возможного ограничения прав человека (скажем, такие как необходимость защиты Отечества, сохранения моральности, охрана здоровья и законных интересов граждан, предупреждение или раскрытие преступлений и осуществление правосудия (Основы учения, пункт IV.7). Нетрудно заметить, что последние утверждения совпадают с соответствующими положениями всемирных и европейских международных актов по правам человека относительно ограничения таких прав.

В «Основах учения» (в их Преамбуле) прямо констатируется глобальность, повсеместность института прав человека в современных условиях. И в «Докладе» признавалось, что «права человека — это та реальность, с которой нам приходится иметь дело, хотим мы этого, или нет. Современный человек не только живет в рамках общественно-государственных институтов, основанных на правах человека, но и ощущает на себе влияние мировоззрения, рожденного этой идеей».

Важным является и то, что в этом документе четко акцентируется, что достоинство человека, его права органично сочетаются с его ответственностью, с выполнением обязанностей перед другими (Основы учения, пункты 1.2, 1.5, III.4, IV.9).

Заслуживает безусловной поддержки провозглашенное в «Основах учения» намерение РПЦ «ревностно — не только на словах, но и на деле — заботиться о сохранении прав и достоинства человека», тем более, что «в современном мире права человека нередко нарушаются, а его достоинство попирается не только государственной властью, но и транснациональными структурами, субъектами экономики, псевдорелигиозными группами, террористическими и другими преступными группировками» (пункт V.2).

Примечательной особенностью «Основ учения» является признание ими светскости, секулярности института основоположных прав человека. Ведь здесь официально констатировано, что идея прав человека и сами эти права сконституированы не Богом, не принадлежат к явлениям богоустановленным (пункт 3.2). Они, как утверждается в «Докладе», заимствованы «у западных народов на особой мировоззренческой почве и при особых исторических условиях». Более того: в нем они объявляются «инородными» по отношению к православной традиции. В «Докладе» провозглашается следующее: «Нельзя утверждать, что права человека являются божественным установлением»; на самом деле их «изобрели люди».

Представляется очевидным, что приведенные положения явно противоречат ОСК, в которых было отмечено, что идея неотъемлемых прав человека «основана на библейском учении о человеке» (ОСК, пункт IV.6). Вряд ли является случайным и то, что среди самих членов комиссии РПЦ, которая разрабатывала «Основы учения», проявилось, как утверждается в Докладе, «разномыслие» при подготовке этого документа.

Впрочем, в рассматриваемом документе тем не менее утверждается, что для РПЦ внимание к правам человека, ее правозащитная деятельность не являются какой-то новацией, что этой деятельностью она занимается с «древних времен» (Основы учения, пункт V.1.; Доклад).

Чем же можно объяснить, что уже через несколько лет после официального признания (в ОСК) богоустановленности прав и свобод человека в руководстве РПЦ возобладала противоположная позиция: такие права имеют не божественное, а сугубо человеческое, социальное происхождение?

Учитывая в общем-то довольно скептическую настроенность «Основ учения» по отношению к современной секулярной концепции прав человека (это будет продемонстрировано далее), ответ на поставленный вопрос напрашивается такой: обозначенное изменение позиции, обусловлено скорее всего стремлением теперешнего руководства РПЦ ослабить внутррелигиозные концептуальные преграды для критики этой концепции.

Охарактеризованная здесь радикальная трансформация взглядов РПЦ по одному из важных аспектов учения о человеке породила и ряд других, как представляется, довольно односторонних оценок, которые можно увидеть в «Основах учения». Так, нельзя не обратить внимание на то, что прогрессивное, общегуманистическое значение института основоположных

прав человека если и признается в «Основах учения», то достаточно сдержанно, так сказать, глухо. (Едва ли не единственный приведенный в этом документе пример похвальной оценки прав человека относится к той исторической ситуации, когда ссылка на них использовалась для протеста РПЦ против тех или иных притеснений православной церкви в советский период).

В «Основах учения» вообще не упомянуты и не оценены позитивно фундаментальные составляющие Международного билля о правах человека (в частности, «Всеобщая декларация прав человека» 1948 года, Международные пакты ООН о правах человека 1966 года), европейская «Конвенция о защите прав человека и основоположных свобод» 1950 года и другие источники международных стандартов таких прав. И не потому ли, что в каждом из них не упоминается Бог либо другой внесоциумный «творец» прав человека?

Зато наибольшее внимание в «Основах учения» уделено тем ситуациям, когда между такими стандартами (большинство которых воспроизведено в конституционном и другом законодательстве России, Украины и других многочисленных демократических государств) и установлениями православия (разумеется, в их ортодоксальной интерпретации РПЦ) существуют содержательные расхождения. В таких случаях Церковь требует руководствоваться традиционными религиозными позициями, даже если это привело бы к игнорированию тех прав человека, которые закреплены в упомянутых стандартах и, соответственно, в национальном законодательстве. Ведь, по ее представлениям, не христианскую религию следует гармонизировать со стандартами прав человека, а наоборот - последние надлежит согласовывать с ней (Основы учения, пункты III.1; III.2). Одним словом, религия должна возвышаться над правами человека. Их теория и практика осуществления некоторых из них могут нести опасность, вред для православия (пункт II.2).

Проблема противоречий. Такая позиция РПЦ вызвала ряд очевидных противоречий при изложении в «Основах учения» некоторых правочеловеческих сюжетов. Так, РПЦ, с одной стороны, признает свободу выбора мировоззрения, свободу мыслей (Основы учения, пункты IV.3, IV.5, V.2; V.4). Однако, с другой стороны, она достаточно категорически исключает свободу выбора мировоззрения безрелигиозного, считая его бездуховным, едва ли не греховным («Доклад»). Ведь Церковь не соглашается с таким миропониманием, которое в центр всего сущего ставит человека (ОСК, пункт VII.4).

Далее. РПЦ, с одной стороны, признает поликультурность, поликонфессию различных народов, разнообразных социальных групп (Основы учения, пункты III.4, IV.1, IV.5). Но одновременно она, с другой стороны, считает единственно правильной лишь свою — православную — идеологию (Основы учения, пункты IV.3, V. I, V.2). РПЦ претендует (впрочем, как и любая другая религия) на роль безошибочного,

безальтернативного, безапелляционного интерпретатора моральности — прежде всего добра и зла).

Определенное противоречие в позиции РПЦ можно усмотреть и в том, что, с одной стороны, она утверждает о существовании «вечного морального закона» (Основы учения, пункт III.2); однако, с другой стороны, она признает необходимость перетолковывания его конкретного содержания, наполнения соответствующих терминов актуальным смыслом, обусловленным современными условиями. Как отмечается в «Докладе», «задача состояла в том, чтобы сформулировать неизменные евангельские истины на том языке, который сегодня является понятным для большинства людей». (Там же, кстати, прямо признается, что многочисленные термины православного богословия в свое время были заимствованы из эллинской философии, но со временем наполнились «христианским благовестием»). Тут нельзя не увидеть неявного обращения к герменевтическим механизмам *переинтерпретации* определенных понятий, вследствие необходимости их приспособления к социальным изменениям, к новым условиям и обстоятельствам.

Когда же в «Основах учения» речь идет о национальном законодательстве, то обычно упоминается только такое, которое разрешает поведение, каковое обычно запрещается канонами православия, считается им греховным (в частности, аборт — он назван «безусловно порочным явлением» (II.2), эвтаназия). Но при этом почему-то совершенно не упоминаются те государственные законы, которыми установлены льготные для религиозных организаций юридические режимы в определенных видах отношений (имущественных, земельных, налоговых). Вследствие этого создается достаточно односторонняя картина: законодательство выглядит в значительной мере социальным оппонентом, чуть ли не социальным антагонистом православной религии, который «провоцирует» греховность людей. А вот другая сторона взаимоотношений религии и закона, — когда последний выступает, в определенном смысле, ее социальным спонсором, — обходится, замалчивается. Такой подход трудно увязать с указанием РПЦ о том, что «христиане призваны быть законопослушными гражданами земной родины» (ОСК, пункт IV.1).

Весьма своеобразным представляется выраженное в «Основах учения» отношение РПЦ к проблеме смертной казни. В документе отмечается, что православная церковь никогда не возражала против такой меры наказания (Основы учения, пункт IV.2). И поскольку в нем ничего другого об этом не сказано, то складывается впечатление, что РПЦ поддерживает весьма распространенное, как известно, среди населения России, представление о нецелесообразности отмены смертной казни — представление, которое формально пока еще воплощено в действующем Уголовном кодексе РФ. Следует отметить, что в этом вопросе подход РПЦ расходится с позицией Всемирного Совета Церквей, отраженной в Заявлении его Исполнительного

комитета (26 сентября 2008 г.) в связи с 60-летием Всеобщей декларации прав человека¹³.

Чем же можно объяснить наличие всех обозначенных несоответствий в подходах РПЦ к проблеме прав человека?

Первой причиной представляется вполне понятное опасение РПЦ, что в результате происходящих в России и в других странах объективно обусловленных духовно-идеологических процессов там установится «новая безбожная идеология». Это выражение прозвучало в одном из последних выступлений нынешнего председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Илариона¹⁴.

Другой же причиной видится то, что, как небезосновательно отмечают специалисты¹⁵, Православная Церковь стремится притормозить современные процессы «внутренней секуляризации» православия, «христианского вольнодумства», увеличения количества среди православных «номинальных христиан».

Позиция УПЦ Киевского патриархата. Что касается Украины, то действительно самостоятельной, независимой в организационном отношении институцией православной конфессии здесь является Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата (далее — УПЦ КП). Свое отношение к правочеловеческой тематике она пока что в специальном документе не обнародовала. Однако отдельные положения по этому вопросу можно встретить, например, в принятой ее Поместным Собором в январе 2001 года Декларации «Церковь и мир в начале третьего тысячелетия»¹⁶ (далее — Декларация). В ней, в частности, признается, что в XX ст. произошла секуляризация общества, вследствие чего религия, как мировоззрение и как институт, окончательно утратила свою роль в политической, социальной и культурной сферах (пункт II.1). Зато весьма категорически декларируется, что только христианская религия «единственная может дать ответ на вопрос человека...об его отношении к ему подобным» (пункт II.9).

Декларация с сожалением констатирует, что «европейская культура пошла путем нехристианского гуманизма» и что «все сферы общественной и культурной жизни начали развиваться под лозунгом «свободы» и «прав человека» (пункты II.1; II.3).

Эта ситуация, естественно, не вызывает удовлетворения в УПЦ КП, поскольку «безрелигиозный европейский гуманизм отбросил Бога», и

¹³ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.oikoumene.org/en/resources/documents.html

¹⁴ [Электронный ресурс] Режим доступа: mospat.ru/ru/2010/06/24/news_20814/

¹⁵ См.: Колодний А.М. Релігійне сьогодення України: роздуми, оцінки і прогнози. — К., 2009. — С.8 – 9.

¹⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа :www.risu.org.ua/ukr/resources/religdoc/uoskr_doc/uoskr_socdoc

следовательно, конфликт между секулярной идеологией и христианской религией продолжается (пункты II.9; II.10).

Если в этом документе и упоминаются легализированные государством основоположные права человека, то — опять же — только такие, осуществление которых противоречит фундаментальным канонам христианства. Утверждается, в частности, что современные государство и общество позволяют: «верить во что угодно», а это «приводит к плюрализму и к религиозному полиморфизму» (пункт II, 5); жениться православному человеку с нехристианином (пункт II.3); делать (при определенных условиях) аборты, использовать контрацептивы (пункт IV.7). Такие государственные дозволения Церковью, разумеется, не одобряются.

В заключение же Декларация выражает надежду на то, что европейская цивилизация вернется к тому, чтобы «в центре истории и бытия» был поставлен не человек, а Бог (пункт XVI.11)...

В другом документе — Декларации Поместного Собора УПЦ КП «О духовном возрождении украинского общества в условиях глобализации мира», принятой в 2004 году¹⁷, осуждается гендерное равноправие, которое «привело к феминизму». В этом же документе высказывается категорическое возражение против распространения в общественном сознании представления о «равнозначности всех религий» и против утверждения «внеконфессиональной духовности». Здесь же содержится такое наставление верующим, что, «общаясь с ближними, христианин должен придерживаться не секулярных, а христианских стандартов поведения».

Таким образом, хотя взгляды УПЦ КП относительно прав человека освещены в ее документах лишь фрагментарно, несистемно, они, однако, принципиально не отличаются от современных подходов РПЦ к рассматриваемой проблематике.

Основные выводы. Анализ относящихся к вопросам основоположных прав и свобод человека новейших документов Православных Церквей России и Украины позволяет резюмировать следующее:

1. Современное православие (в лице руководящих органов РПЦ и УПЦ КП) впервые — лишь в начале XXI ст. — сформулировало и обнародовало свою официальную позицию по обозначенному вопросу. Эта позиция (оценка) отличается заметной неоднозначностью. Констатируя всеобщую распространенность идеи, концепции и практики обеспечения и защиты прав и свобод человека, Православная Церковь усматривает в этом не столько общецивилизационное достижение, приобретение человечества, сколько угрозу некоторым фундаментальным постулатам христианства, а они, по мнению Церкви, должны стоять выше идеологии прав человека.

2. Такой подход к обсуждаемой проблематике обусловил ряд серьезных противоречий — как «внутренних» (между отдельными положениями соответствующих документов упомянутых церквей), так и

¹⁷ [Электронный ресурс] Режим доступа: www.risu.org.ua/ukr/resources/religdoc/uockpdoc/uockp_councildeclaration/

«внешних» (между некоторыми положениями этих документов и стандартами прав человека, закрепленными во всемирных и европейских международных актах, а соответственно и в национальном законодательстве современных демократических государств). Вследствие этого православные верующие в некоторых случаях могут оказываться в непростой ситуации поведенческого выбора между религиозными и юридическими установлениями, касающимися осуществления их основоположных и конституционных прав.

3. Учитывая все вышеизложенное, общая научная оценка позиции Православной Церкви относительно широко распространенной доктрины и практики осуществления основоположных и конституционных прав человека и гражданина тоже, как представляется, едва ли может быть однозначной. Так, следует прежде всего отдать должное тем позитивным шагам, которые эта Церковь осуществила «навстречу» обозначенной проблематике, задекларированным ее руководящими инстанциями намерениям уважать и защищать большинство таких прав. Но в то же время нельзя не отметить, что в ее соответствующих документах содержатся и такие положения, которые, вероятно, не будут содействовать реализации, охране и защите некоторых, зафиксированных в международных стандартах и в национальном законодательстве.

4. Будущее православия (как, впрочем, и любой другой религии) теперь в значительной степени определится его отношением к проблематике прав человека. Есть основания предположить, что Православным Церквям и в Украине, и в России, — коль скоро они стремятся сохранить свои позиции в обществе, — скорее всего не избежать существенной корректировки своих нынешних воззрений на эту проблематику (подобно тому, как это сделала в свое время католическая церковь). Так или иначе, заслуживает заинтересованного обсуждения прогностический тезис украинского религиоведа А.Н.Колодного том, что «если православие не переживет свое аджорнаменто, то в третьем тысячелетии оно превратится в религиозное меньшинство. На одной лишь традиции XXI столетие ему не прожить»¹⁸.

5. Результаты освещенного в этой статье исследования в очередной раз подтверждают, что проблема пределов, объема и практической реализации прав человека является — как и прежде — одной из наиболее актуальных в юридической теории и практике.

---

¹⁸ Колодный А.М. Указ.соч.- С.11.